

**ГОМЕОСТАЗ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
НАРОДОВ СЕВЕРА (XVII—XIX ВВ.):
РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ИЛЛЮЗИЯ!**

...духи, по-видимому, постоянно заботятся о том, чтобы население этой страны не увеличивалось. В древние времена постоянная война уносила человеческий прирост. После того, несмотря на обилие морского зверя, являлся голод и уносил излишек. Теперь, когда американцы привозят в обилии муку и масло, является болезнь и опять-таки уносит прирост¹.

Кувар, эскимос

Когда в 1901 г. в беседе с известным этнографом и писателем В. Г. Богораз-Таном «сильный» человек, удачливый охотник и торговец эскимос Кувар из селения Унгазик излагал свои мысли о причинах неизменной численности населения на азиатском побережье Берингова пролива, он и не задумывался над тем, что сходное видение процесса воспроизводства населения у охотников, рыболовов, собирателей и близких к ним по своему уровню развития и хозяйственно-культурному типу племен и народов еще только формируется в европейской науке...

В 1922 г. в Оксфорде вышел в свет капитальный научный труд историка и социолога А. М. Карр-Саундерса «Проблема населения», 12 лет спустя — книга известного этнолога Л. Крживицкого «Первобытное общество и статистика его естественного движения»². В этих научных трудах впервые была сформулирована и на конкретном фактическом материале доказывалась мысль о так называемом «демографическом гомеостазе»³ первобытных племен — концепция, которой суждено было сыграть заметную роль в формировании научных взглядов не только на проблемы демографической истории первобытного общества, но и на современные проблемы народонаселения⁴.

В основании концепции «демографического гомеостаза» лежит утверждение, что многие «доиндустриальные» общества нового времени (это же относится и к первобытной эпохе) обладали таким социальным и биологическим механизмом, который: а) не только сводил рост населения близко к нулю в течение длительных исторических периодов, но и б) определял уровень жизни населения посредством приведения его численности в соответствие с имеющимися ресурсами⁵. Таким образом, содержание выдвинутой А. М. Карр-Саундерсом концепции выходило за рамки только лишь науки о народонаселении и включало в себя сложные и слабо разработанные вопросы экологии и экономики «первобытных племен».

В работах А. М. Карр-Саундерса и Л. Крживицкого идет речь о сознательном или «почти сознательном» регулировании численности населения в первобытном обществе. Для объяснения механизма регулирования рождаемости (с целью ее снижения) ими были проанализирова-

¹ Богораз-Тан В. Г. Чукчи. Часть I. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934, с. 78.

² Carr-Saunders A. M. The Population problems. A study in Human evolution. Oxford, 1922; Krzywicki L. Primitive society and its vital statistic. L., 1934.

³ Гомеостазис — состояние внутреннего динамического равновесия природной системы... поддерживаемое функциональной саморегуляцией. Характерно и необходимо для всех природных систем — от космических и до организма и атома. См.: Словарь терминов и понятий, связанных с охраной живой природы/Под ред. Реймерса Н. Ф. и Яблокова А. В. М.: Наука, 1982, с. 37.

⁴ См.: Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982.

⁵ Population patterns in the past/Ed. Lee R. D. N. Y., 1974, p. 1—3.

ны такие элементы традиционных этнических культур и моделей образа жизни, как ранние (до наступления половой зрелости) браки или откладывание браков, длительный период грудного вскармливания и различные табу на отношения между полами, контрацепция, искусственные аборты и др. Войны, инфантицид (детоубийство), убийство стариков, небрежность в уходе за детьми, жестокие обряды инициации способствовали поддержанию необходимого для «нулевого прироста» повышенного уровня смертности. В таком виде идея «демографического гомеостаза», находившаяся, в общем-то, на отдаленной периферии научных интересов этнографов и демографов 20—30-х годов, была воспринята без особых возражений и серьезной критики. Новые взгляды на эту проблему появились лишь в послевоенные годы, и ряд крупных зарубежных демографов (К. Форд, Ф. Лоример, К. Дэвис, М. Наг и др.), — специально изучавших социокультурные детерминанты воспроизводства населения в доиндустриальных обществах, отнеслись скептически к концепции «демографического гомеостаза»⁶.

Поиски фактов для подтверждения или опровержения «гомеостатической гипотезы» в демографии проводились в рамках этнокультурных традиций у охотников и рыболовов (североамериканские индейцы, австралийцы, бушмены), у земледельцев и скотоводов Азии и Африки. А был ли демографический гомеостаз на Крайнем Севере, в субарктической и арктической географических зонах? Ведь коренное население Севера живет в суровых природных условиях, а народы Севера СССР имеют почти стабильную численность на протяжении длительного исторического времени. Что это — результат «популяционной» или «экосистемной» саморегуляции или что-то другое? Для того чтобы разобраться в этом, необходимо предварительно ответить на следующие вопросы: а) существовали ли у народов Севера в прошлом какие-либо «антинаталистские», т. е. направленные на ограничение рождаемости, этнокультурные традиции; 2) имелись ли в их обществах какие-нибудь социально-экономические институты, прямо или косвенно (например, через брачность) регулировавшие рождаемость и смертность и сводившие естественный прирост населения к нулю, вне зависимости от внутрисемейных ориентаций; 3) действительно ли в истории народов Севера численность населения менялась лишь в соответствии с естественной динамикой природных ресурсов, т. е. имело ли место «экосистемное равновесие»? Лишь основанные на действительных исторических фактах ответы на эти вопросы позволят правильно подойти к оценке феномена и концепций «демографического гомеостаза».

Социальные детерминанты рождаемости. В любом обществе формы семьи, домохозяйства и общины (локальной группы), а также такие социальные институты, как брак и развод, отношения родства, порядок наследования и др., являются важными детерминантами демографических процессов.

Например, отмечается преобладание прямой связи моногамной большой семьи, делимого и корпоративного наследования, обычаев левирата и сорората, нежесткого социального контроля биологического статуса отцовства, относительной свободы отношений между полами с высокой рождаемостью. В то же время распространенность полигинных браков, преобладание малой семьи, традиции неделимого индивидуального наследования имущества, отсутствие предписанных браков со вдовами родственников, строгие нормы взаимоотношения полов — все это, при определенных условиях, могло способствовать пониженной рождаемости. Но могло и не способствовать!⁷ Поэтому вряд ли будет правильным сразу же, без предварительного анализа считать присутствие того

⁶ Ford C. S. A study in Human reproduction.— Yale University publications in Anthropology, 1945, vol. 3; Culture and Human fertility./Lorimer Fr. and others. P., UNESCO, 1954; Davis K., Blake J. Social structure and fertility: An analytical framework.— In: Economic Development and Culture Change, 1956, vol. 4; Nag M. Factors affecting human fertility in nonindustrial societies. Yale Univ., 1962.

⁷ Population and social organization/Ed. Nag M. P., 1975.

или иного социального института или элемента культуры «индикатором» высокого или низкого уровня рождаемости. Только если их рассматривать в единстве, в более широком контексте культуры и социальной структуры, их анализ поможет выявить основные черты воспроизводства конкретной этнической группы населения.

У народов Севера в прошлом этнографами были зафиксированы различные формы брака. Брачные союзы могли быть постоянными и временными, причем последние не являлись просто «неудавшимися вариантами» семейной жизни, но, как и постоянные браки, регулировались нормами общественной морали и обычного права.

У всех народов Севера заключение брака сопровождалось обменом материальными ценностями между семьями жениха и невесты, либо браку предшествовала длительная (от 3 месяцев до нескольких лет) отработка за невесту и проживание молодого человека в семье будущего тестя. Первая форма брака более характерна для Европейского Севера, Западной и Восточной Сибири (обские угры, самодийцы, кеты и др.), обычай же отработки были распространены среди народов Северо-Восточной Азии — у чукчей, коряков, ительменов, нивхов.

Полигинные браки в прошлом были обычными у большинства народов Севера. В. Йохельсон оценивал долю полигинных семей у коряков в 5—11%⁸. У тундровых ненцев Обского Севера в середине XIX в., по имеющимся у нас данным, она составляла не менее 10%, а у таежного населения — хантов и манси — всего 2—3%⁹.

Это немного. Преобладали парные семьи, а многоженство было привилегией богатых, сильных, удачливых.

Для всех народов Севера в прошлом были характерны социальные формы, предписывающие мужчинам брак с вдовой брата (обычно старшего) или сестрой умершей жены — обычай левирата и сорората. У чукчей, оленных коряков, народов Нижнего Амура существовали своеобразные формы группового брака («товарищество по жене»), гостеприимный гетеризм. Добрачные и внебрачные отношения у одних народов строго осуждались (коряки, нивхи, ненцы); у других были обычными (эскимосы, ительмены, алеуты, чукчи), и здесь несохранение девственности и наличие детей, рожденных до брака, обычно не препятствовало вступлению женщин в брак¹⁰.

Рождаемость тесно связана с брачностью. Доля лиц, фактически не состоящих в браке, в свою очередь может изменяться в зависимости и от экономической возможности вступления в брак. Отсюда в прошлом тесная связь брачности молодежи, а значит, и рождаемости, с получением наследства¹¹.

В большинстве северных обществ в основе патримониальных отношений лежали традиции наследования, которые можно кратко охарактеризовать как «ограниченный минорат»¹². Младший сын обычно оставался с родителями, наследуя большую часть имущества отца, при этом старшие братья и сестры также могли претендовать на известную часть имущества, которое и отчуждалось им при выделении из отцовской семьи обычно еще до вступления младшего сына в права наследства. Наследство могло быть делимым, хотя это и не всегда осуществлялось на практике. Такой порядок наследования не препятствовал образованию новых брачных пар.

⁸ Johelson W. The Koryak. Publication of the Jesup North Pacific Exp. Leiden — New-York, 1908, vol. VI, pt. 2, p. 752.

⁹ Тобольский филиал Гос. архива Тюменской обл. (ТФ ГАТО), ф. 154.— Материалы X Ревизии населения Березовского уезда. 1858 г., д. 992.

¹⁰ См. разделы о семье и браке у народов Сибири в кн.: Народы Сибири. (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

¹¹ Например, в Западной Европе в XVII—XVIII вв., где наследство было неделимым (майорат), подьемы смертности (а умирали чаще всего пожилые люди) сопровождались повышением брачности и некоторым увеличением рождаемости. См. Smith D. S. A homeostatic demographic regime: patterns in the West European reconstitution studies.— In: Population Patterns in the past. N. Y., 1974.

¹² Нечто вроде майората отмечено В. И. Йохельсоном у оленных коряков.

Как и повсюду, семья — основная и универсальная социально-демографическая ячейка аборигенных обществ Севера. У народов Севера еще до недавнего времени преобладали «большие» патриархальные семьи. В такую семью могло входить несколько брачных пар с детьми, внуками, родителями и прародителями. «Малые» нуклеарные семьи могли численно преобладать, но «большие», даже при их невысокой доле (20—25% от общего числа семей), как правило, аккумулировали в себе и большую часть взрослого населения, и детей. Рождаемость в различных типах семьи скорее всего была примерно одинаковой, но более стабильная экономически «большая» семья была способна обеспечить лучшие условия питания и ухода за детьми и, по-видимому, в среднем была более многодетной¹³.

Традиции половозрастного разделения труда делали семью у народов Севера экономически заинтересованной в большем числе детей. Дети рано начинали помогать взрослым, а с подросткового возраста знали и умели все, что необходимо охотнику, оленеводу, рыбаку. Экономическая значимость труда взрослых сыновей и дочерей была велика. Кроме того, наличие взрослых девушек рано или поздно приносило в дом родителей дополнительный доход или привлекало молодых умелых работников. Однако в семьях больше радовались рождению мальчиков. «Удалой» молодой человек или сильный и справедливый «стадоотниматель» — характерные герои нганасанского и чукотского фольклора — были не только работниками, но и воинами. В условиях частых конфликтов и стычек с иноплеменниками и между родственными группами численность в них боееспособного мужского населения играло решающую роль.

В целом, в периоды стабильного экономического состояния (которые были недлительными), а также после кризисов, которые на Крайнем Севере имели почти регулярный характер, каждая локальная группа, община, клан, семья были экономически, социально и психологически заинтересованы в увеличении своей численности и стремились актуализировать в своей среде скорее «популяционистские» социокультурные традиции, а не наоборот. Но в трудные периоды, в экстремальных ситуациях (голодовка, сезонные переселения, потеря кормильца и пр.) именно семья оказывалась наиболее слабым звеном в цепи демографических отношений. Стремление семьи к увеличению своей численности вытеснялось тревогой за ее сохранение. Тогда нежелательными, «лишними» могли стать не только те, кому предстояло появиться на свет, но и часть производящих членов семьи — дети, старики, инвалиды.

В зависимости от конкретных социально-исторических условий воздействие на рождаемость некоторых социокультурных норм могло носить двойственный, нередко негативный характер. Например, полигинные браки, обмен женами, свобода добрачных контактов, гостеприимный гетеризм способствовали также распространению венерических заболеваний, а это негативно отражалось на здоровье и женской плодовитости как биологическом потенциале рождаемости. Обычаи обмена материальными ценностями могли стать причиной кризиса брачности. Все это, однако, характерно лишь для более позднего времени (XVIII—XIX вв.), когда архаичные нормы семейно-брачных отношений народов Севера функционировали в условиях тесного контакта с неаборигенным пришлым населением¹⁴.

Культура и демографическое поведение. Культура в ее наиболее общем понимании, и в частности этническая культура, это не только материальные и духовные достижения человека, но и сама его деятельность, устойчивые стереотипы поведения людей, в том числе и демографического поведения. Культурными нормами определяются способы заключения

¹³ Nag M. Family Type and fertility.— In: World Population Conference. UNESCO, 1965, vol. 2, p. 160—164.

¹⁴ См.: Лебедев В. В. Семья и производственный коллектив притундровой полосы Северо-Запада Туруханского края.— Сов. этнография, 1980, № 2, с. 89; Пика А. И. К изучению социодемографической структуры манси Сосьвинского Приобья (XVII—XX вв.).— В кн.: Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1960, с. 16.

брачных союзов, фиксируются возрастные нормы вступления в брак, посредством различных табу регламентируются отношения между полами, сроки кормления грудным молоком и формы ухода за детьми. Искусственные аборты, контрацепция, инфантицид, различные формы добровольного ухода из жизни людей старшего поколения — все это также элементы демографического поведения. Каким оно было у народов Севера в прошлом?

Оптимальный возраст вступления в брак у народов Севера согласно традициям варьировал в пределах 16—19 лет для мужчин и 15—17 для женщин. Существовали обычаи и более раннего вступления в брак, в 12—13 лет, но такие браки, по-видимому, не были широко распространены. Скорее всего, большинство браков заключалось в возрасте несколько выше «оптимального» с точки зрения культурных традиций — в 20 лет и старше.

Установлено, что этнокультурные особенности сексуальной жизни могут оказывать влияние на уровень рождаемости¹⁵. В этнографической литературе о народностях Севера сведений на этот счет имеется немного. Нам представляется, что, несмотря на суровый климат и кажущийся на взгляд европейца дискомфорт в бытовом жизненном укладе, половые отношения в браке имели достаточно регулярный характер. Так, обительменах в XVIII в. И. Г. Георги сообщал, что в браке они «...живут весьма неистово», приводя по этому поводу замечание В. Стеллера об изобилии и легкости для этого народа добычи пищи — «...обильное питание рыбой, икрой, салом и сверх того праздность»¹⁶. Регулярный характер и интенсивность половой жизни у хантов и ненцев отмечал В. Ф. Зуев¹⁷.

Периодически обычный порядок отношений между супругами сменялся полным или частичным воздержанием. Многие из таких половых табу имели регулярный характер. У всех народов Севера женщина в период менструации и некоторое время после родов считалась «нечистой». Нередко в это время она должна была жить вне общего жилища в специально построенных хижинах, выполнять очистительные обряды, избегать каких-либо контактов с мужчинами¹⁸. Такие табу, конечно, не могли снижать рождаемость, так как в это время зачатие невозможно. Но в тех случаях, когда воздержание продолжалось до 8—10 суток с начала нового овуляторного цикла, оно могло способствовать сдвигу максимума половой активности супругов к моменту овуляции, что увеличивало вероятность зачатия.

Послеродовое воздержание у народов Севера было непродолжительным — до 2 месяцев и менее. После этого супружеские отношения возобновлялись. Традиционные сроки кормления ребенка грудным молоком были достаточно длительными — до 2 лет у саамов, до 3 и даже до 5 лет у чукчей, ненцев, эскимосов, нивхов. Длительное и интенсивное грудное кормление (твердую пищу начинали давать лишь с прорезыванием и укреплением зубов) способствовало продлению послеродовой аменореи, удлиняло интервалы между беременностями¹⁹. Каких-либо строгих табу на половые контакты в период лактации (особенно распространенных в Тропической Африке)²⁰ у народов Севера не отмечено. Не исключено, однако, что какие-то ограничения (периодическое воздержание, *Coitus interruptus*) могли быть.

¹⁵ Nag M. Sex, culture and human fertility.— *Current Anthropology*, 1972, vol. 13, № 2, p. 231.

¹⁶ Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 3. СПб., 1799, с. 62.

¹⁷ Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772).— Тр. Ин-та этнографии, т. V. М.—Л., 1947, с. 64.

¹⁸ Bock Ph. Love magic, menstrual taboos and the facts of geography.— *American Anthropologist*, 1967, vol. 69, № 1.

¹⁹ Gonzales N. Lactation and pregnancy: A hypothesis.— *American Anthropologist*, 1964, vol. 66, № 6.

²⁰ Saucier J. F. Correlations of the long postpartum taboo: A cross-cultural study.— *Current Anthropology*, 1972, vol. 13, № 2.

Существовала определенная регламентация супружеских отношений на время активной охоты, в период некоторых календарных обрядов, жертвоприношений. Такие производственные и «церемониальные» табу не были длительными.

Длительные регулярные разлуки семейных пар отмечены у многих народов Севера. У таяжных охотничьих народов (ханты, манси, селькупы, эвенки, юкагиры) такие разлуки приходились на сезон зимней пушной охоты и продолжались 2—4 месяца в году. У оленных чукчей разлуки до 3 месяцев были в летнее время, когда большинство молодых мужчин и юношей кочевали со стадами без яранг, а старики, дети и женщины оставались на летних стойбищах. Тундровые ненцы-оленеводы круглый год не разлучались с семьями, за исключением непродолжительных охотничьих экспедиций за морским зверем. У саами Кольского полуострова разлуки приходились на период осеннего лова оленей и длились не более месяца. Ительмены, по описаниям И. Г. Георги, отдалялись «от своих хижин не далее, как на таковое расстояние, чтоб можно было возвратиться к бабам ночевать»²¹. Там, где разлуки были продолжительными, они могли оказывать некоторое воздействие и на рождаемость. Но тут следует отметить, что у большинства народов Севера именно в период сезонных разлук допускались контакты между полами по обычаям гостеприимного гетеризма, левирата, группового брака. Не были длительными (за исключением, может быть, долган) традиционно предписываемые сроки воздержания в связи с вдовством или смертью родителей²².

По наблюдениям путешественников и ученых XVIII—XIX вв., у всех народностей Севера стремление к многодетности в семьях, желание иметь больше детей было достаточно сильным. О саами Н. Харузин пишет, что они «ставят особый вес на получение потомства, и никто из них не считается таким несчастливом, как тот, который должен влачить свою жизнь бездетным»²³. Бездетных считали наказанными самим богом за грехи, над ними смеялись, считая бездетность следствием супружеских измен. Аналогичное отношение к бездетным супругам отмечено этнографами у всех народов Севера.

Согласно традиционным представлениям о мире, природе и месте в ней человека, плодovitость женщин, рождение детей были знаком и следствием благосклонного отношения к людям сверхъестественных сил, и люди в свою очередь стремились заручиться их поддержкой. На религиозные культы, шаманские обряды, магию возлагалась ответственность за судьбу народов. Именно религиозные культы и обряды в какой-то мере отражают и внесемейное, общественно осознанное стремление к увеличению, а не уменьшению численности населения. Так, на празднике «Чистого чума» у нганасан шаман обращается к божеству, посылающему женские болезни, со следующими словами: «Что же ты делаешь? Среди моего народа всего только пять женщин, если они умрут, как же будут размножаться наши люди?» Здесь же другому божеству (нгуо) задается вопрос: «Обречена ли вся народность на погибель или есть еще какая-нибудь надежда?» Замечая, что детей рождается и остается в живых меньше, чем им хотелось бы, и численность их народа не растет, нганасаны с горечью говорили: «даже мыши размножаются»²⁴. Подобных описаний в этнографической литературе немало. Описание же религиозно-магических обрядов, направленных на уменьшение числа детей и населения, не встречается.

Можно упомянуть о некоторых уникальных этнокультурных традициях народов Севера, которые действительно могли играть роль «культурных подпорок» демографического поведения, направленного на рас-

²¹ Георги И. Г. Указ. раб., с. 62.

²² Попов А. А. Семейная жизнь у долган.— Сов. этнография, 1946, № 4, с. 64.

²³ Харузин Н. Русские лопари. М., 1890, с. 268.

²⁴ Попов А. А. Тавгийцы.— Тр. Ин-та археологии и этнографии, т. 1, вып. 5, М.—Л., 1936, с. 74.

ширенное воспроизводство. Так, у нганасан социальный возраст мужчин определялся по возрасту жены — чем старше жена, тем старше и мужчина²⁵. При том особом уважении, с каким этот народ относится к пожилым людям, и очень высоком социальном статусе стариков, этот обычай мог стимулировать браки с вдовами и препятствовать заключению браков пожилых мужчин с молодыми девушками. У юкагиров и долган с рождением первого ребенка мать и отец теряли свои (данные родителями) имена, и их начинали называть «отцом такого-то» или «матерью такого-то»²⁶. Это могло быть позитивной общественной санкцией, поощрявшей молодежь к скорейшему заключению брака и рождению ребенка. Эвенки усыновляли сирот с магической целью снижения смертности своих детей, а не только из гуманных соображений²⁷. Неизвестно, достигали ли они этим своей первоначальной цели, но усыновление, несомненно, способствовало снижению смертности среди самих сирот. У нивхов, предпочитавших сыновей дочерям, существовало поверье, что после четырех девочек обязательно родится мальчик. Это также могло благоприятствовать рождаемости в семьях, где не было мальчиков.

Крайне скудны историко-этнографические данные об искусственном аборте и средствах предотвращения беременности у народов Севера. Кроме упоминания С. Крашенинникова и впоследствии И. Г. Георги о способах приготовления отваров, вызывающих бесплодие, и случаях умерщвления плода самыми примитивными средствами у ительменов, нам ничего не известно²⁸.

Имел ли место инфантицид у народов Севера? В общем да, но не у всех, скорее у немногих. Так, только для отдельных групп эскимосов Канадской Арктики и Гренландии имеются достоверные сведения о «селективном» инфантициде — более или менее регулярном умерщвлении новорожденных девочек²⁹. У эскимосов островов и побережья Берингова пролива этого не было. Никем не отмечен инфантицид у народов Сибирского Севера. Об убийстве новорожденных у народов Северо-Востока Азии — чукчей, юкагиров, ительменов, нивхов — имеются лишь эпизодические упоминания³⁰. Судя по лаконичности и фрагментарному характеру данных, это скорее всего были нечастые случаи «избавления» от одного из близнецов, а также детей, рожденных вне брака, там, где это не поощрялось, например у коряков³¹. Несомненно, имел место в прошлом и «евгенический» инфантицид — убийство слабых младенцев с врожденными аномалиями или необычной наружностью (цвет кожи, телосложение и пр.).

Проведенное исследование возрастно-половой структуры 26 северных популяций из 10 этнических групп (по различным посемейным спискам XIX — первой половины XX в.) показало отсутствие результатов какого-либо целенаправленного воздействия на численное соотношение полов и долю младших возрастных групп в населении³². Значит, регулярного «селективного инфантицида» у народов Северной Евразии не было! В свете этого важного факта данные об инфантициде у отдельных групп эскимосов Канады выглядят скорее локальной культурной традицией. И в более широком этнокультурном и стадиально-историческом плане инфантицид, по-видимому, не следует считать оптимальной, а значит,

²⁵ См.: Симченко Ю. Б. Люди высоких широт. М.: Мысль, 1972.

²⁶ Иохельсон В. И. По рекам Ясачной и Коркодону. — Изв. РГО, т. XXXIV. СПб., 1898, с. 16; Попов А. А. Указ. раб., с. 62.

²⁷ Георги И. Г. Указ. раб., с. 73.

²⁸ Крашенинников С. Описание земли Камчатки. М.: Огиз — Географгиз, 1948, с. 22.

²⁹ Balikci A. Female infanticide on the Arctic coast. — Map, 1967, vol. 2, № 4.

³⁰ Сарычев А. Г. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Великому океану. СПб., 1802; Иохельсон В. И. Указ. раб., с. 12; Крашенинников С. Указ. раб., с. 220; Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы. Хабаровск, 1933, с. 337.

³¹ Полевые материалы автора.

³² Krupnic I. Male/female demographic ratio in some traditional Siberian populations. — In: Etudes/Innuït/Studies, 1985, vol. 10. Автор пользуется случаем выразить свою благодарность И. И. Крупнику за ценные советы и замечания.

широкораспространенной во времени и пространстве формой адаптации населения к своему собственному пребыванию в природной среде³³.

В периоды голодовок, нередких в жизни морских и сухопутных охотников и рыболовов, были случаи умерщвления старых людей, инвалидов, больных, что было отмечено у эскимосов по обе стороны Берингова пролива³⁴. Вместе с тем такая, зачастую «добровольная» смерть в соответствии с традицией не обязательно могла быть связана с голодом и направлена на обеспечение выживания группы сородичей. У чукчей, особенно оленных, по свидетельству В. Г. Богораз-Тана, «добровольная» смерть часто могла быть связана с какой-нибудь стрессовой ситуацией—глубокой обидой, невозможностью мести и др. Аналогичные данные приводит об ительменах И. Г. Георги³⁵.

Несомненно, что такие обычаи могли снижать и действительно снижали численность старших возрастных групп, однако в экстремальных ситуациях это ненамного усугубляло избирательное воздействие голода и болезней. Нередко именно добровольная смерть стариков предоставляла реальные шансы выжить более молодым людям, подросткам, детям.

В целом в этнокультурных традициях демографического поведения аборигенов Севера ничто не говорит об общественно осознанном стремлении ограничивать численность населения на определенной территории. Нет и постоянного стремления к ограничению числа детей в семье. Если же такие случаи имели место (аборты, инфантицид, альтруистический суицид), то они имели целью выжить в экстремальной ситуации и сохранить хотя бы некоторых из имеющихся детей, а не довести их количество в семье до какого-то определенного числа.

Оценивая роль социальных институтов и культурных традиций в формировании режима воспроизводства населения у народов Севера в прошлом, следует отметить, что «центральный узел» этой проблемы лежит здесь не в социально-экономической возможности для вступления в брак, как это, например, было характерно для периода так называемого «европейского типа брачности» в XVII—XVIII вв. в Западной Европе. Он также не был связан с внутрисемейным планированием и принятием решения о рождении или отказе от рождения ребенка, что характерно для современного репродуктивного поведения населения экономически развитых стран. Наиболее важным для семьи и для воспроизводства населения в целом был вопрос о том, как помочь выжить новорожденному непосредственно после рождения и в первые годы жизни. Младенческая и детская смертность были очень велики. Для новорожденного и в последующие 2—3 года жизни ребенка кормление грудью и надлежащий уход за ним были вопросом жизни и смерти. По меткому замечанию американского демографа Ф. Лоримера, «мотивация рождаемости во всех обществах (имеются в виду так называемые доиндустриальные общества.— А. П.) имеет целью ребенка, а не живорождение как статистический факт. Ребенок у груди более ценен, чем когда он в утробе матери или ползает по полу без присмотра»³⁶. Лишь длительная и интенсивная лактация могла обеспечить стерильное питание, постоянный контакт матери и ребенка и, следовательно, хороший уход за ним в первые годы жизни. Рождение двойни, слишком скорое появление следующего ребенка ухудшало уход за обоими детьми и увеличивало вероятность их потери. Отсюда стремление семей, уже имеющих детей, к увеличению временных интервалов между последующими беременностями и родами. Интенсивное кормление грудью и половые табу (не исключено, что некоторые ограничения могли быть и у народов Севера) позво-

³³ См. Козлов В. И. Особенности воспроизводства населения в доклассовом и раннеклассовом обществе.— В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982, с. 13.

³⁴ Kjellström R. Senilicide and invalidicide among the Eskimos.— Folk, 1974/75, vol. 16—17.

³⁵ Богораз В. Г. Указ. раб., с. 107—108; Георги И. Г. Указ. раб., с. 63.

³⁶ Culture and Fertility/Lorimer Fr. and others. P., 1975, p. 87.

ляли достигать этой «главной», т. е. непосредственно интересующей семью, цели. И хотя побочным результатом этих усилий внутри семьи было некоторое снижение суммарной рождаемости в сравнении с ее максимально возможным уровнем, все же это был именно тот путь, на котором прирост населения мог достигать наиболее высоких результатов, возможных для описываемых социально-исторических условий жизни.

Интересно, что русские путешественники и исследователи XVIII в. как раз и отмечали малую, с их точки зрения, «плодовитость» женщин (т. е. рождаемость) у народов Севера. «Сколь ни охотники к делам любовным,— писал о северных хантах-оленеводах В. Ф. Зуев,— однако родится между ними немного. Редко я видел таких остяков, кои бы больше 3—4 у себя в живе имели, а в жизни много, что десять и очень редко бывает». «А сему истинная причина (т. е. причина смерти),— добавляет автор— плохой уход после пятилетнего возраста, когда отнимают от груди»³⁷. Скептически отозвался об уровне рождаемости у ительменов и С. Крашенинников: «Плодородие камчатского народа невелико, по крайней мере мне не приходилось слышать, чтобы у какого-нибудь камчадала было десять детей от одной жены»³⁸. То же И. Г. Георги сообщает об эвенках: «Они любят детей до чрезвычайности... однако они не плодородны: мало таких матерей, которые имеют четверых детей, а сие происходит, может быть, частью от сурового жития и от того, что долго кормят детей грудью, то есть иногда до пятого года»³⁹.

Скорее всего, при длительности репродуктивного периода у женщин народов Севера не более 15—20 лет они успевали за это время родить в среднем не более шести—восьми детей, что действительно близко скорее к минимуму «естественной рождаемости»⁴⁰. Но зато вследствие хорошего ухода и грудного питания даже в трудные годы треть из родившихся выживала. А в благоприятные годы число доживших до репродуктивного возраста детей было еще большим, что позволяло народам Севера быстро восстанавливать свою численность и переходить к расширенному воспроизводству.

Население и природная среда. Оказывала ли естественная динамика биоресурсов влияние на режим воспроизводства и прирост населения на отдельных территориях? Скорее всего, оказывала, но неопределяла их.

У эскимосов, проживавших на побережьях по обе стороны Берингова пролива и в прилегающих ареалах, в I тыс. н. э. преобладало хозяйство с использованием всех возможных биоресурсов наземных и водных экосистем (морж, тюлени, карибу, овцебык, рыба, птица). Однако низкий уровень стояния морских вод, сухой холодный климат, не успевавшие таять прибрежные льды — все это не способствовало развитию морских промыслов. К концу же I тыс. н. э. природно-климатическая ситуация меняется. Смягчение климата сопровождается быстрым развитием промыслов морских млекопитающих, а среди них моржей и особенно китов. Использование эскимосами наземных биоресурсов отошло на задний план. Высокая эффективность морской охоты большими коллективами и обилие пищи способствовали росту людности поселений на побережье, усложнялись социальные отношения, совершенствовалась материальная культура (археологическая эпоха «пунук» на Чукотке и о. Св. Лаврентия и культура Туле на востоке Аляски и в Гренландии 900—1400 гг. н. э.). Эскимосские общества переживали период расцвета, в это время выросла и численность населения⁴¹.

³⁷ Зуев В. Ф. Указ. раб., с. 64.

³⁸ Крашенинников С. Указ. раб., с. 219.

³⁹ Георги И. Г. Указ. раб., с. 52—53.

⁴⁰ О так называемом «гипотетическом минимуме естественной рождаемости» см. Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976, с. 50—58.

⁴¹ Андерсон Д. Об изменении доисторических моделей жизнеобеспечения эскимосов: предварительная разработка.— В кн.: Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, 1981, с. 71—80.

С ухудшением природно-экологических условий для морской охоты в XVI—XIX вв. эскимосские системы жизнеобеспечения от высокоспециализированного морского зверобойного промысла возвратились к первоначальной модели — добыванию всего, что можно использовать для питания. Однако рост численности эскимосского (и пришлого чукотского) населения на азиатском побережье Берингова пролива не сменился депопуляцией. Более того, опираясь на культурные и социальные достижения предшествующего времени, в «послепуноукский» период хозяйственное освоение юго-восточного побережья Чукотки продолжалось. Хотя, конечно, какие-то колебания численности населения имели место. Например, там, где ощущался недостаток альтернативных морскому промыслу биоресурсов (о. Св. Лаврентия), население в «послепуноукский» период (XVI—XVII вв.) значительно уменьшалось из-за голодовок, болезней, миграции на континент. Но это трудно назвать «демографическим гомеостазом» популяции⁴².

Культуры охотников на дикого оленя континентальных тундр Евразии сформировались в IV—III тыс. до н. э. и существовали вплоть до начала II тыс. н. э. Условно лимитирующим фактором роста численности населения, исторически длительный срок живущего только за счет популяций дикого оленя, выступает величина ежегодного прироста последних. По расчетам Ю. Б. Симченко, численность «первобытных» охотников на дикого оленя Северной Евразии (до 3 млн. голов оленя) не должна была превышать 8,5 тыс. чел. По-видимому, так это и было⁴³.

Однако с распространением более продуктивного кочевого оленеводства население континентальных тундр Евразии, не считая береговых жителей, выросло не менее чем в 2—3 раза. А становление в XVIII—XIX вв. еще более специализированной формы хозяйства — кочевого крупнотабунного оленеводства — сопровождалось ростом численности оленеводов в 1,5—2 раза⁴⁴.

Эти, к сожалению немногочисленные, примеры все же говорят о том, что демографическая история народов Севера определялась не состоянием природных ресурсов. Прогрессивное развитие культуры и общества, и в первую очередь средств и способов материального производства, лежало в основе постепенного (а иногда и быстрого) роста численности северных аборигенных популяций. Уменьшение численности и даже исчезновение некоторых народов Севера в XVI—XVIII вв. имело свои социально-исторические⁴⁵, а не «популяционно-гомеостатические» причины.

Здесь уместно привести одно из малоизвестных высказываний В. Г. Богораз-Тана по этому вопросу: «Общая механика роста и убыли первобытных племен имеет примерно следующий характер: в естественном состоянии, вне воздействия культуры, первобытные племена находятся в равновесии с ресурсами природы — топливом, пищей и пр. Они вообще стационарны. Не размножаются и не возрастают. Впрочем, иные из них под влиянием естественного возрастания культуры все-таки склонны к размножению и расселению (разрядка наша.—А. П.). Нашествия завоевателей более высокой культуры выводят эти племена из равновесия и наносят им ряд тяжелых ударов. Часть воинов погибает в боях. Целые поселки истребляются. При дальнейших восстаниях мятежники жестко наказываются: мужчины избиваются, женщины разбираются по рукам, подростки обращаются в

⁴² Крупник И. И. Древние поселки и демографическая история азиатских эскимосов Юго-Восточной Чукотки (включая о. Святого Лаврентия). — В кн.: Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки, с. 111—113.

⁴³ Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленя Северной Евразии. М.: Наука, 1976, с. 81.

⁴⁴ Крупник И. И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев. — Сов. этнография, 1976, № 2.

⁴⁵ Обзор региональных демографических изменений в XVII—XIX вв. см. раздел «Северо-восточные палеоазиаты и эскимосы» (И. С. Гурвич) в кн.: Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982.

рабство. Потом начинает действовать алкоголь, повальные болезни, жестокое угнетение, отнимающее у туземцев волю к жизни. Тем не менее и здесь в конце концов наступает равновесие. Уцелевшие племена перестают вымирать, мало того, они проявляют тенденцию медленно, но верно размножаться. Беда в том, что каждые 10—15 лет является заразная болезнь: оспа, инфлюэнца, корь... и уносит одним ударом весь накопившийся прирост. А дальше этот процесс опять начинается сначала»⁴⁶.

Вновь возвращаясь к вопросам, поставленным нами в начале статьи, мы предполагаем дать на них следующие ответы. Да, действительно, у народов Севера имелись социальные и культурные институты и соответствующие им формы демографического поведения, снижавшие суммарную рождаемость. Но они в своей основе не только не имели антинаatalистской направленности, но, наоборот, возникли и поддерживались вследствие «популяционистских» настроений общества и семьи. Иными эти настроения в условиях высокой смертности быть не могли.

Другие социокультурные институты способны были изменять характер естественной смертности в различных возрастных группах, но не увеличивали при этом существенно ее общий уровень. Это — убийство новорожденных девочек, стариков, инвалидов, различные формы суицидного поведения взрослых людей. Все эти действия диктовались интересами жизнеобеспечения отдельных семей, не регулировались обществом в целом и не вытекали из стремления населения якобы к ограничению своей численности на данной территории до какого-то «оптимума».

И наконец, третий вопрос — об «экосистемном гомеостазе». Колебания численности и плотности населения на отдельных территориях нередко действительно были связаны с изменением природных ресурсов, но прогрессивное (хотя и очень медленное) развитие культуры и общества в итоге все же обеспечивало прирост населения вне зависимости от направленности природных процессов. Именно вследствие этого современный человек (*Homo sapiens*), сформировавшийся в умеренных широтах Старого Света, достиг и заселил циркумполярные регионы.

Длительные периоды «нулевого» прироста в истории аборигенных северных популяций следует понимать не как особое «свойство» их самоорганизации, а лишь как одно из их возможных состояний, обусловленное множеством факторов, главным образом внешних. Такие периоды равновесия между силами природы и человека занимают большую часть его демографической истории. Но никогда они не были «целью» человеческого существования и не возникали вследствие какого-то особого стремления человеческого населения к равновесию. Более того, со стороны человеческих обществ «равновесное состояние» не подкреплялось никакими особыми общественными институтами, социально-психологическими потребностями и мотивацией. Оно не подкреплялось ничем, кроме постоянных и упорных усилий по обеспечению (по крайней мере в рамках своей локальной или этнической общности) наилучших условий существования для наибольшего числа людей, и именно вследствие этого рано или поздно нарушалось в сторону роста численности населения в ходе прогрессивного развития его материальной и духовной культуры.

⁴⁶ Из письма В. Г. Богораз-Тана к секретарю Комитета Севера Е. К. Малиновской. ЦГАОР, ф. 3977 (Комитет Севера), оп. 1, д. 49 (1925 г.).